

Алимеривна

Молодой, богатый козак Шкандыбенко стоял над рекой и смотрел в воду. Река глубокая да широкая, вода синяя и чистая, и катится она шумя и поблескивая. У ног козака отражался свежий, зеленый, низкий берег, на котором он стоял. А посреди реки видно ясное небо, где играет, искрится солнце, а у противоположного берега в прозрачной воде отразилось село, как бы опрокинутое вниз головою. Да, целое село, со всеми его садами, огородами, улицами и хатами, с колодезными журавлями и высокою церковью.

Должно быть, оттого, что село стоит у самой реки, все здесь такое свежее, зеленое и яркое, все так быстро и буйно растет и расцветает, цветет и зреет. Стóбит на каких-нибудь три дня поссориться соседу с соседом, как тропка от хаты к хате, глядь, уже и заросла, будто ее и в помине не было, а дайте волю калине у окна, так пышно разросшейся, — она и в окно влезёт, и не одной веточкой, а заберется на радостях целымидесятью...

Боже мой! Нигде не росло такой пышной калины, как там! И нигде не цвела такая душистая мальва или шиповник. И нигде не было такой бузины и такой роскошной сирени. Нет, нигде, думаю, не попадались такие разноцветные маки, бърхотки, красные гвоздики, маргаритки, любистки, душистый горошек, пионы — да всего там

и не перечислишь! Ой, а какие ж там были кудрявые яблони! Да раскидистые груши! Уж если липа, то такая тенистая, что в какую угодно жару под ней холодок; а если стоит явор, то уж с такими ветвями, что и глянуть любо; а если береза, то такая уж веселая береза, что ты готов ей улыбнуться; если тополь, то высокий, с богатой листвою и стройный! А о вербах и говорить нечего: вербы разрослись, раскинулись прямо на диво; иные распустили свои ветви до самой земли и разостлались по ней, иные подняли ветки вверх и взнеслись в самую высь. Ни в одном саду там сухого сучка не увидишь, ни в одном огороде увядшей травинки. Улица свежая и мягкая, словно зеленый бархат. Даже на новых соломенных крышах ни с того ни с сего, откуда ни возьмись, вдруг прорастает трава и не по дням, а по часам начинает расти-разрастаться, будто она и впрямь на своем месте. А старые соломенные крыши — те так и стоят всюду зеленые; на них не только трава растет — на них и цветы цветут. Вон у козака Гайворона однажды на хате красный чертополох зацвел, да такой, что прямо чудо! Да что и говорить! На проезжей дороге разросся всю большую куст крыжовника, но и этого ему еще мало — растопырился во все стороны, и еще места хочет. А что мнут его, давят и ломают колесами проезжие возы, это ему нипочем: он всякий год, что ни лето, становится больше и больше.

Вот так это село и запрокинулось с одного берега, отражаясь в реке, а на другом берегу стоял молодой и богатый козак Шкандыбенко и смотрел в воду. Но смотрел козак в воду не на село — у него и свое село красивое, стоит над тою же речкой; там у него и хата славная и усадьба богатая, есть у него поля урожайные, чудесные пустоши, есть и лес зеленый; и денег у него много и всего в преизбытке; и сам козак молодой и красивый, — да, видно, мало всего этого козаку. Что ж это он так понурил голову и глядит в воду, нахмуривши черные брови? Какие мысли одолевают его? Опустил козак голову, не посмотрит, не оглянется, но из синей, прозрачной воды глядят его черные очи, угрюмые, грозные и печальные, и колышется задумчивое, безутешное, измученное лицо с крепко стиснутыми губами.

Козак был гневен и печален, а сердце козацкое возмущено и истерзано. И все из-за того, что козак любил

дивчину и все думал о ней. Он думал о ней каждый час, каждую минуту, с той поры, как приехал однажды, беззаботный, к товарищу в гости и увидел ее впервые на улице. Впервые замлело сердце, и спросил он у товарища, чья она. «Дочка одной вдовы, бедняцкая дивчина — неровня тебе, — ответил ему товарищ. — Зовут ее Лимеривна». Много еще товарищ всякой всячины рассказывал, и день этот угас, как обычно, но вся эта болтовня проходила мимо ушей козака, и день этот ясно хранился в памяти лишь до той поры, пока дивчина с глаз не скрылась. Воротился козак домой — и вся его жизнь словно перевернулась, и мысли все будто переменялись. Нету ни к чему у него охоты, ничто прежнее не доставляет утехи: одна дивчина на уме, только о ней сердце и болит. Куда девалась его бывалая гордость да прежняя спесь! Молодой, чванный богач с трепетом ждал, спрятавшись за вербой, когда выйдет бедная дивчина за водою одна, и, дождавшись, весь замирая, спросил: «Пойдешь ты за меня, Лимеривна?» — «Нет, — отвечала Лимеривна, — не пойду я за тебя, козаче!» Как поразила и удивила козака эта первая горькая неудача! Он кинулся прочь, подальше от девушки, от того места, где она жила: он решил больше ни разу не глядеть на нее и даже в мыслях о ней не вспоминать. Но вышло так, что хотелось ему видеть только ее и думать только о ней. Уж он и с товарищами гулял, и на многолюдные ярмарки ездил, и по пустынным полям и степям бродил, и на других дивчат засматривался, и с хвалеными красавицами знакомился, но наедине или на людях, в тиши или среди общего шума — всюду была одна дивчина: эта стройная, бедная, тихая дивчина. Днем и ночью, в будни и в праздник видел он, как она проходит мимо него, и в ушах у него звенел ее ответ, такой холодный, но милый, спокойный и ясный, и острым ножом резал ему сердце и сжимал его, точно клещами.

И вот козак опять поджидает девушку, исполненный страха и истомы, и спрашивает вторично: «Пойдешь ли ты за меня замуж? Без тебя мне и жизнь не в жизнь».

И второй раз отказала ему дивчина.

И стало козаку еще больше невмочь — он и в третий раз просил ее, умолял, старался склонить ее лаской, считая всю прежнюю обиду, прежние ее отказы даже чем-то

хорошим, и думал лишь о том, какой бы услугою, какую покорностью ей угодить, как бы ее склонить, чем ублажить, умиловить, — и вот не осталось и тени от прежнего козака-молдца: вся его прежняя удаля и молодечество пропали. Угнетаемый тоской и думами, был он теперь скорее покорным невольником. Да! Теперь уже нет в нем чувства обиды, нет в нем возмущения против ее власти. В третий раз дивчина сказала ему: «Я не пойду за тебя замуж, козаче!» Возьми она и задуши его своими белыми руками, ему бы легче было, чем жить на свете после отказа. Что это за жизнь, если нету ни сна, ни отдыха, если в сердце кипит, если болит оно? И ходил козак несчастный, сам не свой. Девушка была ему милее души и горше горя.

Была как-то на селе пирушка — справляли свадьбу, и пришел на свадьбу Шкандыбенко. Не веселиться пришел на свадебный пир, а поглядеть на Лимеривну.

Лимеривна сидела среди дивчат и пела вместе с ними своим звонким и свежим голосом свадебные песни и была сама такая же свежая и спокойная; губы ее улыбались, и лицо разгорелось, и красивые глаза так ясно глядели на всех. А в глазах у козака то темнело, то светлело, сердце его то замирало, то оживало. Среди веселых гостей, среди гомона и песен стоял он — богатей, удалец, — как беззащитный, беспомощный сирота молча у стены, не сводя глаз со своей чаровницы.

Все это заметила мать Лимеривны.

А была мать Лимеривны жадная баба. Она только о том и думала и печалилась, как бы ей разжиться да разбогатеть: и во сне и наяву ей все мерещилось серебро да золото; несытые, колючие глаза ее впивались во все так пронзительно и быстро, словно домогались чего-то и всюду искали наживы; ее сухощавые руки дрожали, словно торопясь схватить и завладеть и боясь что-нибудь упустить. Лицо у нее стало желтее золота, а губы, казалось, были теперь мертвенней серебра. Беспокойное, недовольное, тревожное, полное зависти было у ней житье. Никогда ее душа не бывала сыта. Богатства, богатства жаждала она днем и ночью. Тесна была для нее тихая хата с тенистыми липами, горек скромный достаток и не в радость единственная любимая дочка. Годы проходили, все больше и больше угнетала ее старость, а жалкий достаток

копился с трудом, по крохам... И вдруг ее жадный, беспокойный взор остановился на молодом козаке, и вмиг она все сообразила и поняла. Как бы невзначай она очутилась возле него, хитро повела с ним беседу, приласкала, приголубила; не спрашивая прямо, выведала у парубка, которому ее дочь отказала, все, что нужно было узнать; не сказав ничего, она развлекла его и подала ему такую большую надежду, что он и приободрился и повеселел, и бог весть как и откуда ему взбрела в голову новая мысль, что не все еще потеряно, коли дивчина трижды отказала, и бог весть, как и откуда у него возникло намерение, уже не спрашивая дочери, заслать сватов к ее матери, и неожиданно-негаданно у него явилась надежда, что мать согласится и все уладит. Живее забилось сердце у козака; и вмиг зазвучали громче вокруг него песни и говор, веселее зашумела пирушка.

Лимеривна не глянула на него приветливой, не молвила ему ни единого лишнего слова, однако вернулся он со свадьбы домой, исполненный новых надежд, намерений, замыслов, нетерпения...

— Давно полюбил тебя Шкандыбенко? — спросила старая Лимериха дочку, едва они вышли со свадебной пирушки и немного отошли от остальных гостей. — Давно?

— С той поры, как мы знаем друг друга, — отвечала Лимеривна.

— Он хочет за тебя свататься, — проговорила старуха. — Он будет за тебя свататься!

— Я за него не пойду, мама, — сказала Лимеривна.

— Не пойдешь!.. — вскрикнула старуха и засмеялась. — Не пойдешь! — повторила она и опять засмеялась.

Это повторенье одного и того же слова, этот смех звучали так, словно ее забавляла невинная детская дурь, которая не может ничему помешать. Старуха погрузилась в мысли и шла так быстро, что дочка еле-еле поспевала за нею. Вскоре они пришли домой. Войдя в хату, старуха будто очнулась и снова спросила дочку:

— Так он давно тебя любит?

— Я не пойду за него, мама! — проговорила дочь.

— Ты с ума спятила! — со смехом оборвала ее старуха.

— Я не пойду за него, мама, — говорила девушка, — я его не люблю.

— Ты что, рехнулась! — воскликнула старуха. — Что ты мелешь! Да я свяжу тебя и связанную выдам за него! Да я бы тебя прокляла, если б... Ты знаешь, как он богат? У него одной только пахоты... а пустошей... а лесу-то сколько... его усадьба... его добро... много у него добра!

— Мне ничего не надо, — сказала дочка.

— Я помню еще покойного отца его, — принялась опять за свое старуха, вспоминая прошлое, — как он сразу разбогател, будто клад где нашел. Великая ему была удача во всем! Я как сейчас помню: привез он однажды домой полные пригоршни червонцев — будто сейчас их вижу своими глазами. А какое монисто было у его матери! А какие дукаты — как жар горели на шее! И с каждым годом они всё богатели и богатели. Немало оставили сыну, немало!

Старуха умолкла, словно ее поглотили эти заманчивые мысли, очаровали привлекательные образы. Было уже совсем поздно, когда она уснула беспокойным, лихорадочным сном; у нее вырывались то какие-то нескладные слова, то тяжелые вздохи, то смех.

Всю ночь просидела Лимеривна у окошка. Ночь была лунная, тихая — спокойно и ясно было ее молодое задумчивое лицо.

Козак Шкандыбенко не спал, не ел и не пил, пока не заслал сватов к Лимеривне. Сватов встретили там хлебом-солью и пообещали Лимеривну Шкандыбенку. Но сваты воротились назад не такими, какими пошли туда, — они вернулись задумчивые, невеселые, без шуток и при-сказок, всё поглядывали исподлобья да покашливали, будто что-то застряло у них в горле, о чем Шкандыбенку следовало бы побеспокоиться да поспрошать. Но Шкандыбенко был рад и ни о чем не спросил, увидав у них в руках обмененный хлеб.

При выходе старший сват сказал на прощанье:

— Ну, гляди, Шкандыбенко, не по своей воле идет за тебя Лимеривна, хотят ее выдать силой. Смотри, Шкандыбенко, не накликай бы тебе в дом горя да беды!

— Правда, правда, — добавил второй сват, — невеста и слова не молвила, не глянула; стояла такая, что краше в гроб кладут!

Больно кольнуло Шкандыбенка в сердце, когда он все это услышал. Он ничего не ответил и, проводив сватов, долго еще стоял на пороге, как самый несчастный человек, который, едва успев выбраться на свободу, едва переведа дух, — снова повстречался лицом к лицу с прежней бедой и опасностью. «А я все-таки на ней женюсь!» — проговорил он вдруг, и глаза у него засверкали, он даже усмехнулся.

Начал Шкандыбенко готовиться к свадьбе: купил себе хутор, словно какой-нибудь пан, от людей подальше; немало денег потратил на всякие уборы да наряды; возил невесте дорогие подарки.

Мать невесты встречала его ласково, ждала его, жалела, ублажала, а невеста... хотя бы словечко какое ему молвила, кроме одного: «Не люблю я тебя, козаче. Оставь меня, я тебя не люблю!» Ни материнские просьбы, ни угрозы, ни его терзания, ни уговоры, ни покорность, ни ласки — ничто, ничто не трогало ее!

Вот оттого-то и стоял козак над рекой и глядел в воду, оттого-то ночами не спал от тоски, а всякое утро ездил к ней, думая: сегодня! сегодня! А что сегодня? И его истерзанное, разгневанное сердце то замирало, то снова разнеживалось.

Так поехал он и этим утром — спешил, надеялся... Приехал. Приветливо встретила его старая Лимериха, и сыном его назвала, и о хозяйстве расспрашивала, и толковала с ним о будущем счастливом житье-бытье. Ничего у него не спросила, ничего не сказала ему, ни разу не глянула на него молодая Лимеривна. Он долго сидел, слушая речи старухи и не слыша их вовсе, — он все чего-то ждал, и надеялся, и смотрел на любимое лицо, такое к нему неприветливое. Старуха, озабоченная, продолжала вести льстивые речи, с тревогой посматривая — не обижается ли богатый жених на холодность ее дочки; украдкой, с угрозой и гневом, поглядывала на дочь.

— Не налюбуюсь мы на твой подарок, — говорила козаку старуха. — И где это ты выискал такую чудесную парчу, мой родной? Где ты покупал парчу?

Козак вспомнил, что он привез с собой и другой подарок, и подал его — это было дорогое монисто. Старуха схватила его, вскрикнула, поблагодарила. Не дотронулась до него молодая Лимеривна и, сложив руки, сидела

бледная и холодная, — только вздрогнула, когда мать начала примерять ей новый подарок, словно прикоснулись к белой шее холодные гадюки.

И вздрогнул козак, будто меткая стрела вонзилась ему в сердце.

— Что, не по нраву тебе мой подарок, дивчина? — спросил он с горькой усмешкой и глядел — ожидал ответа.

— Мне ничего не надо, — ответила девушка.

— Не слушай ты ее, — воскликнула в тревоге старуха, — не слушай, мой соколик! Она ничего не смыслит...

Козак собрался было что-то сказать, но у него захватило дыхание, в голове помутилось, сердце вот-вот разорвется — и он ушел. Шел, сам не зная куда, пока не очутился у реки. На него повеяло свежестью от сверкающих волн, и он невольно остановился.

И долго стоял здесь козак, глядел на воду, раздумывая и тоскуя. И попрежнему любя! Он и гневался и убивался, а все-таки любил! Он и обижался и скорбел, а все-таки любил! Сильнее гнева, тоски, обиды была любовь. Наперекор всему овладела им страстная нежность — и что ж удивительного, если, решив порвать эти тяжкие до боли отношения, он, передумав, перестрадав, набрался сил и отваги и... воротился опять к ней. А возвращаясь, спешил, как на праздник, и когда, подошедши к хате, услышал голос любимой, неизъяснимо сладостно было ему слышать этот голос. Он остановился и слушал как зачарованный. Он слушал не для того, чтоб понять, о чем идет речь, — ему просто хотелось слышать ее голос. Ведь редко слышал он этот милый голос. Он боялся, что вдруг, заметив его, она замолчит, и он прятался. Вечер был темный — только звезды мерцали в прозрачном небе, и был вечер такой теплый, тихий, что даже деревья вокруг хаты не шелестели и своим шелестом не мешали ему слушать.

Пока не перестало у него колотиться сердце, он не мог ничего толком ни понять, ни разобрать, но мало-помалу он и разобрал и понял. Отчетливо звенели у него в ушах все укору и материнские угрозы за суровость к нему, к жениху, за непослушание, и в самую душу западали ее неизменные тихие ответы: «Я не люблю его; я не хочу замуж за него!» Ох, хотя бы сказала она что-нибудь другое! Хотя бы вымолвила что-нибудь, пускай да-

же немилое, горшее, да другое! Эти слова и без того и днем и ночью перед ним, как живые, носятся и жгут, как огонь, и холодят, как лед!

Мать сердилась на дочку все больше; пугала ее проклятьем; грозилась, что выдаст ее замуж силой, обвенчает ее, приневолив.

— Вы меня обвенчаете силой, но душа моя и сердце мое останутся свободными, — проговорила Лимеривна и стала просить: — Не выдавайте меня замуж насильно! Не губите меня и его!

Она так просила, что козак весь задрожал и подумал, что нельзя не уважить подобной просьбы. Но мать не соглашалась и осыпала непокорную дочь новыми упреками и угрозами.

Козак вошел в хату, и старуха замолчала.

— Ты чего уходишь? Где ты был, голубь мой? — спросила она козака. — А мы тебя ждали. Садись, мой соколик, садись, мой желанный!

— Когда же мы справим свадьбу? — проговорил козак.

— Да как сговорились, так и будет, ненаглядный мой! — ответила торопливо старуха.

— А не слишком ли дальний срок мы назначили? Не слишком ли долго ждать? — проговорил козак.

— Можно и поспешить, мой родной! — отвечала услужливая старуха. — У нас все готово, можно и поспешить!

— Так давайте поспешим! — сказал козак.

— Ну что ж, ладно, ладно, мой голубь, давай поспешим, — согласилась старуха и принялась тотчас прикидывать и высчитывать день и час и какие понадобятся расходы и угощение.

В хате становилось все темней и темней, в распахнутые оконца долетали из огорода запахи пышно расцветших цветов, сильные и смешанные: свежие запахи мальвы и сирени, и острые — любистка и черемухи, и бесчисленное множество других запахов, все более слабых и едва почти ощутимых. И еле можно было отличить при мерцании звезд цвет свежей мальвы от золотистой бархотки и цвет желто-багряного мака от цвета розового пиона; и Шкандыбенко мог с трудом отличить белые сложенные руки от широких белых рукавов и бледное, милое лицо

от шелковистых, гладких, пышных волос. Не сказала ни слова молодая Лимеривна, пока козак беседовал с матерью, не двинулась, не шелохнулась. И только когда козак молвил ей на прощанье: «Спокойной ночи!», она поднялась, поклонилась и сказала ему в ответ: «Спокойной ночи!»

Козак попрощался и поехал домой на хутор.

«Спокойной ночи!» Ох, нет для него уже давным-давно спокойных ночей! С той поры как увидел он ее, нет для него спокойных ночей! Да и будут ли когда-нибудь? Будут ли?

Со свадьбою торопились, и ее назначили через неделю. И все ждут. Старая Лимериха и радуется и беспокоится — в ушах у нее резкий веселый звон золота и тихие мольбы дочери; а сердце у нее то бьется от жадности, то сжимается при мысли о скорой разлуке с дочкой. Она с нею сурова и немилосердна, приглушила жалость и ждет не дождется, когда все это кончится и они станут богатыми-богатыми и заживут припеваючи. И суетится старуха, и хлопочет, и наряжается, и готовится к свадьбе, и гостей созывает.

Ждет не дождется жених назначенного дня — воскресенье. И уж так загонял он своих работников, что те сидят теперь сложа руки — нет уже никакого дела — да точат лясы о его будущем житье. На хуторе все готово. Хата ярко белеет среди зеленеющих тополей, и поблескивают светлые оконца. На поросшем травю дворе дорожка гладкая и чисто подметенная — ну прямо подкатывай к низенькому, обнесенному перильцами крылечку. В саду полно плодовых деревьев, и цветы все зацвели. На полях, раскинувшихся вширь и вдаль, наливаются и поспевают рожь, золотится пшеница. Степь зеленеет травами и радуется цветом. Лес шумит, распутившись всею своею листвою. Далеко-далеко сверкает полоска синей воды. И кажется — все дышит каким-то страшным нетерпением: и сверкающая вода, и многошумный лес, и волнующиеся нивы, и широкая степь, и чисто прибранный двор, и сад, и зреющие в саду плоды, и расцветшие цветы, и готовая хатка со светлыми окошками — всё, всё, всё... А всего больше молодой козак: нетерпение охватило его, как пламя, и, как пламя, жжет его. Совсем невмочь, нестерпимо стало ему ожидать.

Все готово. И оттого, что все уже готово, ждать ему кажется еще нестерпимее, еще тяжелей. Ночью и днем он ходит и бродит, мечется то туда, то сюда, чуть остановится — и уже спешит то в одну сторону, то в другую.

И молодая Лимеривна ждет тоже. Она не может ни за какое дело приняться, ей и притронуться ни к чему неохота; она ни о чем не старается, не хлопочет, ничего не говорит и не спрашивает — сидит, сложа белые руки, и ее красивые глаза не смотрят ни на какие наряды и уборы; ее свежие губы сжаты в молчании, но она ждет. Рано поутру, еще и солнце не взойдет — она уже сидит у окна и встречает восход солнца, — встречает без слов и без слез, только вдруг невзначай лицо у нее слегка порозовеет и глаза засияют, — но это бывает редко и ненадолго, и вскоре сияние глаз исчезает, а лицо снова бледнеет. До позднего-позднего вечера сидит она все у того же окна: тогда в вечерней мгле не видно ее лица; но когда выглянет и осветит все месяц, ее милое личико кажется еще более бледным, но все таким же тихим и кротким.

Вот дождалась все субботы. Приехал жених к невесте и застал хату, полную нарядных дивчат в ярких лентах, в свежих цветах. И сама невеста сидела нарядная и в свежих цветах.

Она не двинулась, не шелохнулась, когда он вошел, но пристально-пристально на него поглядела. Что сказал ему эти красивые и кроткие очи?

Он был сам не свой, охваченный какою-то острой радостью, но еще больше томил его неведомый страх — казалось, он достиг счастья, которого никто никогда не сможет у него отнять, и все же он за него дрожит, боится и замирает. Он ничего не различал и не слышал в этот день.

Песни и свадебные величания дивчат, людской гомон, музыка, тихий и ясный закат солнца, и невеста, которую посадили с ним рядом, и запахи свежих цветов, и блеск ее шелковых кос, дорога домой, и густая россыпь звезд, и ясный месяц — все это смешалось, перепуталось, сплелось и слилось. И он чувствовал лишь одно: буйную радость, охватившую его, и еще какой-то страшный и неотступный ужас.

На другой день с шумом и гамом, с пожеланьями всяческих благ повезли их в церковь и обвенчали. Что

это — сон или явь, молодой козаче? Явь! Он везет к себе свою молодую жену, их провожает богатый свадебный поезд, их встречают дома гости и слуги, их все поздравляют, желают долгих лет жизни и счастья. Теперь полно радости в беленькой хате со светлыми оконцами... полно радости, да, но как же в ней страшно и жутко отчего-то!

Вот поразъехались гости, утих весь этот шум и гам, и молодые остались одни.

— Сердце мое! душа моя! горе мое! счастье мое! Что мне делать? Скажи мне, как быть, как понравиться тебе? — говорил козак своей молодой жене, охваченный все тою же радостью и тем же страхом.

— Мне ничего от тебя не надо! — отвечала ему молодая жена. — Я не люблю тебя.

— Ах, полюби, полюби меня!

— Я не люблю тебя!

Как раненый выбежал он из светелки и ринулся как сумасшедший во тьму, куда глаза глядят.

Осталась Лимеривна одна в светелке. Огляделась она кругом. Вечер тихий, чудесный, сияют белые стены светелки. Лимеривна долго стояла, думала, прислушивалась. Вдруг она заломила белые руки, как бы проверяя, не связаны ли они, и легче пташки, быстрее стрелы выпорхнула из светелки — вылетела из дому и побежала. Она бежала, бежала, не чуя под собою ног, не видя и не разбираясь, куда и зачем бежит, лишь бы все дальше, дальше, дальше.

В тумане мелькала перед ее глазами росистая степь, тихие поля, темный лес, а она бежала и чутко ловила в тишине каждый звук и дуновение. Куда она бежала? Она сама не знала куда, но знала, что убегает, вырвалась из плена. Что будет дальше? Она не рассуждала об этом, но чувствовала, что горше всего — неволя. Дальше, дальше из этого плена! Скорее, скорей из неволи!

Вдруг она слышит далеко позади голос и окрик и конский топот — слышит все ближе, все отчетливей. Выбежала она на какую-то узкую тропку среди зарослей колючего терна и побежала по ней. Ясно светил месяц, глубоко и больно впивались острые колючки в белые ноги и цепко хватались сучки за длинные шелковистые волосы и рвали их. Она все бежала, не останавливаясь.

А конский топот за нею все ближе, все слышней, он приближается быстро-быстро и звучит все явственней, все отчетливей и резче. Уже перед ее глазами легла тень от коня и от всадника, и знакомый, немилый голос с горестным смехом кричит ей — спрашивает:

— Ты что ж, Лимеривна, пешком? Разве нет у меня для тебя борзых коней?

И, не оглядываясь, не останавливаясь, отвечает Лимеривна:

— Хоть у тебя и много богатства, но оно твое, и мне его не нужно! Ты сам не по душе мне, ты мне не по сердцу!

— Остановись, Лимеривна, стой! — кричит козак и видит, что Лимеривна выбилась из сил и еле дыша повалилась на дорогу.

Мигом спрыгнул он с коня и был возле нее; и не знал, что ей сказать, и не знал, что ему делать.

— Дай мне нож, что у тебя за поясом! — просит его Лимеривна, протягивая к нему руки. — Дай мне нож, я выну из ног острые занозы!

Козак торопливо подал ей нож.

Впервые протянулась к нему ее белая рука, и вся душа его при виде этой протянутой руки содрогнулась и замерла.

Вдруг он страшно вскрикнул: Лимеривна ударила себя ножом в самое сердце.

Козак схватил ее за руку, вытащил нож — горячая кровь хлынула на него.

— Пусть лучше сторит мое сердце на ноже, чем у тебя, у немилуго, в дому, — проговорила Лимеривна.

Козак, с выхваченным ножом в руках, склонился над нею, пораженный и растерянный, не спуская с нее глаз, не говоря ни слова.

— Вот теперь, Шкандыбенко, я твоя! Бери меня, мое сердце, и веди домой! — промолвила Лимеривна.

При этих словах глаза ее закрылись, губы сжались, и жизнь отлетела.

Взял ее козак на руки, сел на коня и поехал с нею, обняв ее, и все поглядывал то на ее мертвое лицо, то на низкий терновник вокруг, озаренный луной, на длинную, извилистую дорогу; он то останавливал кровь, струившуюся у нее из груди, то поправлял мягкие, рассыпав-

шиеся волосы. Он ехал шагом и позднею ночью приехал к старой Лимерихе, минуя свой хутор. Подъехал к хате Лимерихи и стал ее звать. Перепугалась насмерть Лимериха, услышав его голос, и, выбежав на порог, закричала:

— Где моя дочка?

И увидела в лунном сиянии на руках у козака мертвую дочь, залитую кровью. Козак отдал ей тело, а сам уехал.

Еще громче закричала Лимериха, схватила дочь на руки, прижала ее к себе и вместе с ней упала у порога хаты, да больше и не встала, никогда уже больше не глядела на божий свет.

Схоронили мать вместе с дочкою за селом, у дороги.

А козак Шкандыбенко как уехал, так с той поры и не вернулся. Никто его больше не встречал и не видел, никто о нем больше ничего не слышал.

